

Дячук Т. В. Интеллигент и крестьянин в цикле Глеба Успенского «Крестьянин и крестьянский труд»: динамика взаимодействия в контексте идеи «слияния с народом» / Т. В. Дячук // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 225—239. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-225-239.

Dyachuk, T. V. (2021). An Intellectual and a Peasant in Gleb Uspensky's Cycle "Peasant and Peasant Labor": Dynamics of Interaction in Context of Idea of "Merging with People". *Nauchnyi dialog*, 4: 225-239. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-225-239. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-225-239

**Интеллигент и
крестьянин в цикле Глеба
Успенского «Крестьянин
и крестьянский труд»:
динамика взаимодействия
в контексте идеи «слияния
с народом»**

Дячук Татьяна Владимировна
orcid.org/0000-0001-6834-9944
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
кафедры русской литературы
dia4uk.tanya@yandex.ru

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена»
(Санкт-Петербург, Россия)

**An Intellectual and a
Peasant in Gleb Uspensky's
Cycle "Peasant and
Peasant Labor": Dynamics
of Interaction in Context
of Idea of "Merging with
People"**

Tatiana V. Dyachuk
orcid.org/0000-0001-6834-9944
PhD in Philology, Senior Researcher,
Department of Russian Literature
dia4uk.tanya@yandex.ru

The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

© Дячук Т. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируется цикл очерков Г. И. Успенского «Крестьянин и крестьянский труд» в аспекте актуальной для русской литературы второй половины XIX — начала XX веков проблемы взаимоотношения народа и интеллигенции. Констатируется кризис в изучении «крестьянских» циклов Успенского, обусловленный преобладанием идеологической интерпретации. Утверждается, что ключ к пониманию крестьянства Успенский находит не в социально-экономических условиях его быта, а в области эстетики. Точкой сближения, в которой крестьянин и интеллигент предстают равноправными субъектами общения, является, по мысли Успенского, эстетическое отношение к труду. Между крестьянским трудом и творческим усилием художника устанавливается имплицитное соответствие. Поэтому интеллигент оказывается необходимым посредником в процессе обретения крестьянством своего собственного «голоса». Доказывается, что эстетическая утопия в цикле «Крестьянин и крестьянский труд» была сокрушена этическим максимализмом писателя. Крестьянское хозяйство представлено Успенским разумно организованным порядком, антропосферой, в которой трудящийся крестьянин уподоблялся монарху и Творцу. В свою очередь, интеллигент объявлялся самозванцем, отмеченным «антихристовой» печатью. В творческом сознании Успенского эстетическое и этическое оказывались в трагическом и безысходном противоречии, а перспектива «слияния с народом» — иллюзорной.

Ключевые слова:

Глеб Иванович Успенский; народничество; интеллигенция; антихрист; крестьянство; слияние с народом.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The cycle of essays by G. I. Uspensky “The Peasant and the Peasant Labor” in the aspect of the actual for Russian literature of the second half of the XIX — early XX centuries problems of relations between the people and the intellectuals are analyzed in the article. The crisis in the study of the “peasant” cycles of Uspensky, caused by the predominance of ideological interpretation, is stated. It is argued that Uspensky finds the key to understanding the peasantry not in the socio-economic conditions of his life, but in the field of aesthetics. The point of convergence, in which the peasant and the intellectual appear as equal subjects of communication, is, according to Uspensky, the aesthetic attitude to work. An implicit correspondence is established between peasant labor and the creative effort of the artist. Therefore, the intellectual turns out to be a necessary mediator in the process of the peasantry acquiring its own “voice”. It is proved that the aesthetic utopia in the cycle “Peasant and Peasant Labor” was crushed by the ethical maximalism of the writer. The peasant economy is represented by the Uspensky reasonably organized order, the anthroposphere, in which the working peasant was likened to the monarch and the Creator. In turn, the intellectual was declared an impostor, marked by the “antichrist” seal. In Uspensky’s creative consciousness, the aesthetic and ethical found themselves in a tragic and hopeless contradiction, and the prospect of “merging with the people” was illusory.

Key words:

Gleb Uspensky; populism; intellectuals; Antichrist; peasantry; merging with the people.

Интеллигент и крестьянин в цикле Глеба Успенского «Крестьянин и крестьянский труд»: динамика взаимодействия в контексте идеи «слияния с народом»

© Дячук Т. В., 2021

1. Крестьянские» очерки Г. И. Успенского: кризис интерпретации в отечественном литературоведении

После десятилетий забвения творческая индивидуальность писателя-народника Глеба Ивановича Успенского вновь вызывает живой исследовательский интерес [Токарев, 2020; Успенский П., 2020]. Однако к его знаменитым очеркам о деревне, оставившим глубокий след в русской культуре, современные исследователи обращаются редко [Кудряшов, 2006]. В науке о литературе действует инерция сложившегося в середине прошлого века представления о «крестьянских» циклах Успенского («Из деревенского дневника» (1877—1880), «Крестьянин и крестьянский труд» (1880), «Пришло на память» (1881), «Без определенных занятий» (1881), «Власть земли» (1882), «Из разговоров с приятелями (на тему о власти земли)» (1882)), когда произведения писателя рассматривались в контексте идеологической критики народничества [Лисин, 1961, с. 179—247; Соколов, 1968, с. 221—256 и др.]. Советские ученые сетовали о народнических «иллюзиях», которые Успенский разделял, но — как отмечалось в историко-литературных исследованиях — сам же и опровергал, достоверно изображая социально-экономическое положение русской деревни. Согласно утвердившемуся мнению, Успенский предстал в двух ипостасях: художник, изображающий «правду жизни», одерживал в нем победу над заблуждающимся народником. Творческий путь позднего Успенского выпрямлялся и получал заданный вектор — от «ложной» идеологии народничества к марксизму, осознать историческую правоту которого писателю помешала трагическая болезнь. При этом утверждалось, что народнические «заблуждения» Успенского, явившиеся для писателя источником страданий, оказались сильнейшим средством агитации в пользу марксизма. Впервые об этом было сказано в некрологе «По поводу смерти Г. И. Успенского», помещенном в 1902 году в ленинской «Искре» (от 1 мая 1902 года, № 20). Канон был задан и сохранялся на протяжении советского периода изучения творчества Успенского. При таком идеологизированном подходе нивелировалась острота религиозно-

этических вопросов, поставленных писателем, а его творческий облик обесцвечивался.

Помимо народнических «иллюзий», советские литературоведы ставили в вину писателю «невероятно причудливое сочетание взаимоисключающих идей» [Лисин, 1961, с. 236] в его творчестве 80-х годов. При этом часто цитировали отзыв редактора журнала «Отечественные записки» М. Е. Салтыкова-Щедрина, жаловавшегося в письме к Н. К. Михайловскому от 6 февраля 1884 года: «Успенский совсем с пути сбился. Таковую философию заковыривает, что чертям тошно... На каждом шагу противоречия, одна мысль другую побивает, а я сижу и привожу эти противоречия в порядок» [Цит. по: Мордовченко, 1938, с. 217].

В самом деле, если оценивать очерки Успенского аналитически, то их идейный «беспорядок» бросается в глаза. Яростный противник крепостного права, Успенский утверждает, что крепостная зависимость помогла сохранить идеальный мужицкий тип (Отрывок пятый из «Деревенского дневника»). В противоречии с собственными высказываниями о необходимости народного просвещения, писатель неожиданно заявляет, что сельская школа должна учить только тому, как жить безгрешно (очерк XI «Школа и строгость» из цикла «Власть земли»). Отрицая буржуазную модернизацию русской деревни, Успенский признает, что она существенно облегчает труд и быт пахаря (очерк «Смягчающие вину обстоятельства» из цикла «Крестьянин и крестьянский труд»). Многочисленные примеры, демонстрирующие зыбкость идейной позиции Успенского, подробно описаны в научной литературе, посвященной писателю.

Вместе с тем проницательный исследователь творчества Успенского М. Б. Богаткина еще полвека назад предупреждала о том, что исследования, нацеленные на опровержение идейных «ошибок» писателя, обедняют его творческую индивидуальность [Богаткина, 1972, с. 167].

Ведь сама популярность Успенского среди его современников свидетельствует о том, что читатели искали и находили в его творчестве нечто иное, чем искаженное преломление социально-политических идей. А. М. Горький в «Беседах о ремесле» (1931) свидетельствовал: «Мы воспринимали истерическую лирику его рассказов о деревне эмоционально, как воспринимается музыка. Глеб Успенский будил в нас какое-то особенно тревожное и актуальное чувство...» [Горький, 1953, с. 342].

Поверх фактографии и «идей», противоречиво и спонтанно изложенных Успенским, читатели следили за динамикой настроений и переживаний интеллигента, пытающегося сблизиться с неизвестным Другим — русским крестьянином.

2. Рассказчик-интеллигент и герой-крестьянин: столкновение двух ценностных позиций

Действительно, все очерковые циклы конца 1870 — начала 1880-х годов построены как лирический монолог интеллигента, стремящегося постигнуть крестьянский мир и приобщиться к «подлинной правде жизни» [Успенский, 1954, т. XIV, с. 579]. Уточним: вопрос о сущности крестьянства был продиктован не этнографическим интересом, а стремлением открыть человечеству путь к полноте, гармонии и святости. С земледельческим, «безгрешным» [Успенский, 1949, т. VIII, с. 73], строем жизни писатель и его народнически настроенные современники связывали надежды на духовное спасение человечества. Но для этого необходимо было разобраться в том, что представляет собой, по словам известного публициста А. Н. Энгельгардта, «никому неизвестное, неразгаданное существо, которое называется мужиком» [Энгельгардт, 1937, с. 38].

В глазах интеллигентного наблюдателя крестьянский мир оставался замкнутым, упрямо хранящим свою *тайну* (слово, часто применяемое Успенским к крестьянству). Столкновением двух ценностных позиций: рефлексии интеллигента и крестьянина — был определен конфликт во всех «крестьянских» циклах Г. Успенского.

Под интеллигенцией, по определению А. М. Скабичевского, писатель понимал «совершенно особенный, отдельный, междусловный слой людей, исключительно работающий мозгом» [Скабичевский, 1888, с. 243]. В терминологии Успенского интеллигенция — это «неплательщики», «не мужики», «не мужицкое человечество». Переживания «не мужика» были подробно описаны Успенским в его многочисленных очерках и понятны образованному читателю, к эмоциональному опыту которого писатель постоянно апеллировал. Однако попытки установить диалогические отношения с «другим», замкнутым в себе, крестьянским сознанием оказывались безрезультатными. Среди писателей-народников Успенский наиболее остро переживал и фиксировал неспособность интеллигента даже к самой элементарной форме диалога — бытовому разговору. Так, в «крестьянских» циклах Успенского повторяется ситуация: интеллигент-рассказчик, пытающийся вступить в диалог с пахарем, терпит коммуникативную неудачу. В результате обмена репликами между говорящими не возникает смысловых отношений. Приведем характерный пример из «Деревенского дневника»: «Никогда, никому из находящихся в этой кучке (группе случайно встретившихся мужиков. — *Т. Д.*) не придет в голову, что вам (интеллигенту. — *Т. Д.*) хочется или надо просто поговорить об обыкновенных житейских вещах, никто и не думает подозревать в вас какой-нибудь интерес к личному делу крестьян и никто не думает интересоваться вашим лич-

ным барским делом. Что ж с вами делать? — “Угостите, барин, кузнецов-то... Право слово!”.. Другими словами: “что пришел-то?.. Хоть полштофа с тебя, шатушего, разгрызть”...» [Успенский, 1940, т. V, с. 29].

В отличие от Достоевского, который в 1876 году, признаваясь в «любви к народу», обговаривал условия будущего «необходимого контракта» образованного сословия с крестьянством (О любви к народу. Необходимый контракт с народом // Дневник писателя. Февраль 1876) [Достоевский, 1981, т. 22, с. 42—45], Успенский не видел ни малейшей возможности сближения с народом. В дебютном «крестьянском» цикле «Из деревенского дневника» (1877—1880) за актуальным социальным планом изображения (социальное расслоение общины, «мироеды», кулаки, сельская беднота) открывался план экзистенциальный, связанный со сложным комплексом негативных эмоций, которые вызывала русская деревня в наблюдающем ее интеллигенте. Чувства интеллигента-наблюдателя по отношению к деревне и крестьянству: «страх», «испуг» и «ужас» — были манифестированы в суггестивном нагнетании образов, связанных со смертью, мраком, роковой случайностью. Увиденная сквозь призму страха и отчаяния, деревня представляла inferнальным пространством смерти, а крестьяне — преступниками, не сознающими своей вины [Дячук, 2020]. Преступное состояние крестьянского мира смягчалось только одним фактом, обнаруженным Успенским, — любовной связью крестьянина с землей.

Любовь к земле как феномен крестьянской жизни (по словам писателя, «источник <...> хитроумной механики народной жизни» [Успенский, 1954, т. XIV, с. 579]) Успенский поставил предметом изучения в следующем цикле — «Крестьянин и крестьянский труд» (1882). В отличие от первого цикла «Из деревенского дневника», в котором изображались различные крестьянские типы в разных местностях и обстоятельствах, в «Крестьянине и крестьянском труде» взгляд писателя был сфокусирован на семье новгородского крестьянина — Ивана Ермолаевича. Как и в предыдущем цикле, в «Крестьянине...» два главных действующих лица: Иван Ермолаевич с его «аристократически-крестьянской душой» и интеллигент-рассказчик, расколотый «надвое гуманством мыслей и дармоедством поступков» [Успенский, 1950, т. VII, с. 55]. В первом же очерке рассказчик признается, что, несмотря на год жизни в деревне, рядом с семьей Ивана Ермолаевича, «я не понимаю, зачем существует на свете семья и из-за чего она бьется, а семья тоже совершенно понять не может и удивляется: зачем собственно я существую на белом свете?» [Там же, с. 7]. Интеллигент констатирует бессмысленность крестьянского труда, в результате которого производится «навоз», «да и того не остается, ибо и он идет в землю, земля ест навоз, люди и скот едят, что дает земля» [Там же, с. 19].

В земледельческий круг, замкнутый «землей», «хлебом», «навозом», вписан Бог, который «поминается только как участник в этой бесплодной по результатам деятельности лаборатории» [Там же, с. 27]. Тем не менее близость Бога крестьянин Иван Ермолаевич «ощущал почти до осязания» [Там же].

Участие Бога в крестьянской жизни заставляет автора прибегать к реминисценциям из Ветхого Завета. Сравнивая Ивана Ермолаевича с охотником Исавом, продавшим свое первородство за «чечевичную похлебку», Успенский задается вопросом: «Из каких лакомых приправ сварена та чечевичная похлебка, за которую он явно продает свое первородство?» [Там же, с. 28—29].

Ответ был найден писателем в третьем очерке — «Поэзия земледельческого труда», где раскрывалась «тайна» крестьянства, маркируемая Успенским в терминах религиозной апофатики («неразгаданная тайна», «чудотворно просветившее» обстоятельство [Там же, с. 30]). Рассказчик причащается «тайне» крестьянства благодаря воспоминанию о Венере Милосской. Крестьянин Иван Ермолаевич, огорченный поведением теленка, парадоксально напомнил рассказчику художника, в свою очередь расстроенного реставрацией античной статуи. Крестьянское хозяйство и статуя Венеры Милосской в восприятии интеллигента-рассказчика соположены как эстетические объекты, репрезентирующие сущностные атрибуты красоты: полноту, неизбыточность и целостность. Поэтому теленок, не желающий исполнять волю хозяина крестьянского двора, так же грубо посягает на красоту и порядок, как реставратор, нарушающий идеальную форму античной скульптуры.

3. «Крестьянин-художник» как субъект и объект эстетического отношения

Метафора «крестьянин-художник» отмыкает «тайну» крестьянства, которая состоит, по Успенскому, в «поэзии земледельческого труда». В примыкающем к циклу «Крестьянин и крестьянский труд» очерке под названием «Пришло на память» Успенский в поисках языка описания обратился к романтической эстетике, говоря о том, что в непрерывно трудящейся крестьянке Варваре действовал «дух» [Успенский, 1950, т. VII, с. 128]. Творческий дух крестьянства творит ежедневную «поэзию» труда. Так понимаемая «поэзия» земледелия контрастно противопоставлена «прозе» крестьянской жизни, о которой много писал Успенский: подати, бедность, неурожай и т. п. Казалось бы, крестьянин, одолеваемый заботами о самом необходимом, невосприимчив к прекрасному. По Успенскому, напротив, сокровенным стремлением крестьянина, проявляемым в труде, является сотворчество с природой.

Эстетическое отношение к труду — это и есть та точка сближения, в которой крестьянин и интеллигент оказываются способны понять друг друга и предстать равноправными субъектами общения. Между крестьянским трудом и творческим усилием художника устанавливается имплицитное соответствие. Не случайно цикл «Крестьянин и крестьянский труд» содержит многочисленные референции к образам мирового искусства. Успенский рассуждает о современной живописи и художниках [Там же, с. 36], упоминает о Венере Милосской и Александровской колонне [Там же, с. 58], ссылается на произведения отечественной литературы.

Перечислим тексты, которые упоминаются и оцениваются Успенским на страницах цикла «Крестьянин и крестьянский труд»: М. Ю. Лермонтов «Когда волнуется желтеющая нива»; А. С. Пушкин «Деревня», «Бесы», «Зимняя дорога», «Брожу ли я вдоль улиц шумных»; Н. А. Некрасов «Элегия»; А. И. Кольцов «Урожай», «Косарь», «Песня пахаря»; А. А. Фет «Венера Милосская»; Ф. И. Тютчев «Эти бедные селенья...»; а также «чувствительные романы», которых «начитался» автор [Там же, с. 49], и «необгонимая тройка» Гоголя из поэмы «Мертвые души» [Там же, с. 57]. Крестьянин как объект изображения в русской поэзии — вот что интересует Успенского. Однако писатель приходит к выводу, что русские поэты не смогли выработать адекватного языка для описания крестьянского мирозерцания.

В среде интеллигенции Успенский отыскивает поэта, сумевшего открыть красоту в формах, наиболее близких крестьянскому сознанию: «Это — Кольцов» [Успенский, 1950, с. 36]. В трактовке кольцовской поэзии Успенский следует за В. Г. Белинским, выступившим в 1845 году со статьей «О жизни и сочинениях Кольцова», благодаря которой народные песни Кольцова вошли «в круг чтения разночинцев, столичных интеллектуалов, наследников литературной и общественной позиции Белинского» [Шеля, 2018, с. 137]. (В том, что Успенский опирался на статью русского критика, убеждает его письмо к Е. П. Летковой от 24 июня 1884 года [Успенский, 1951, т. XIII, с. 378], где он, как и Белинский в вышеупомянутой статье, советует внимательно прочитать кольцовские «Песню пахаря» и «Урожай» [Белинский, 1982, т. 8, с. 112]).

Белинский утверждал, что Кольцов «был сыном народа в полном значении этого слова» [Там же, с. 111]. Выражение «сын народа» обрело особую популярность в народнической литературе 1870—1880-х годов. Еще в 1869 году А. М. Скабичевский в статье «Живая струя (вопрос о народности в литературе)» заявлял о том, что «новое слово» о народе «выскажут вполне только истинные “дети народа”»; «только они, родившиеся и выросшие в атмосфере общинной жизни», способны осуществить «идеал искусства на социологической подкладке» [Скабичевский, 1888, с. 44].

Позже и сами писатели-народники склонялись к этому убеждению. Так, Златовратский в «Деревенских буднях» с тоской признавался, что «“ветхий” культурный художник» (с которым писатель отождествлял себя) [Златовратский, 1882, с. 93] не может достоверно изобразить народную жизнь. Для ее изображения нужен человек, вышедший из народной среды.

Подобные сомнения были знакомы и Успенскому. Случай с Кольцовым вселял в него надежду на то, что «голосом народа» (из письма к В. А. Гольцеву, сентябрь 1889 года) [Успенский, 1954, т. XIV, с. 338] может быть писатель некрестьянского происхождения. Ведь в статье Белинского речь шла не об уподоблении простонародному сознанию, а о синтезе культуры и народности: «Нельзя было теснее слить своей жизни с жизнью народа, как это само собой сделалось у Кольцова» [Белинский, 1982, т. 8, с. 112]. Для народника нет выше цели, нежели «слить свою жизнь с народной» [Там же]. При этом Белинский указывал на органический характер подобного «слияния»: «само собой сделалось» [Там же].

Успенский ценит в Кольцове способность приобщиться к «поэтическому целому» крестьянской жизни. Так, в кольцовском «Урожае», который цитирует Успенский, крестьянский труд предстает как благословляемое Богом сотворчество земледельца и природы. (Отметим, что в художественной рефлексии Серебряного века кольцовская поэзия стала восприниматься сквозь призму «крестьянских» очерков Успенского [Айхенвальд, 1998, с. 125—132]).

4. «Монарх» и «самозванец»: религиозно-этический аспект труда

Размышляя над крестьянским трудом-творчеством, Успенский выстраивает иерархию господства и рабства, описываемую императивами «повинуйся» и «повелевай». Крестьянин подчиняется природе, которая, «вкореняя в его сознание идею о необходимости безусловного повиновения, <...> весьма обстоятельно знакомит Ивана Ермолаевича и с удовольствиями власти, т. е. дает ему возможность и самому (несмотря на то, что он в рваном тулупе и рваных лаптях) ежеминутно испытывать те же самые удовольствия своего собственного могущества, которые знакомы только монарху и никому другому» [Успенский, 1950, т. VII, с. 44].

Иначе говоря, крестьянин — раб Божий, но Господин над земною тварью. Ему покоряются люди (жена, работники, дети), животные, земля. В очерках Успенского крестьянская повседневность предстала разумно организованным порядком, антропосферой, в которой крестьянин уподоблялся Творцу. Согласно христианской антропологии, «мир следует за человеком, потому что он есть как бы природа человека; его можно было бы назвать “антропосферой”». И эта антропокосмическая связь осуществ-

вляется тогда, когда осуществляется связь образа человека с его Первообразом — Богом...» [Лосский, 1991, с. 241].

В то время как крестьянин помещен Успенским в центр чувственно-материального космоса, или, говоря словами философа С. Булгакова, «райского хозяйства», в котором человек предан «бескорыстному любовному труду над природой» [Булгаков, 1993, т. 1, с. 171], место интеллигента-художника остается непроясненным. Напомним о том, что первый крестьянский цикл Успенского «Из деревенского дневника» заканчивался призывом к жертвенному безымянному подвигу, в результате которого интеллигента ждала участь «быть “потребленным” народною средою без остатка, даже без воспоминания, подобно тому, как не вспоминается съеденный час назад кусок бифштекса» [Успенский, 1940, т. V, с. 40]. В «Крестьянине и крестьянском труде» участь интеллигента видится Успенскому еще более безысходной. Крестьянская жизнь настолько полна, гармонична и прекрасна, что встречает пришельца суровым предостережением: «Не суйся!». Очерк с таким названием заканчивается сценой свержения в бездну: «Не имея под ногами никакой почвы, <...> я, как перо, был поднят на воздух дыханием правды Ивана Ермолаевича и неотразимо почувствовал, как и я, и все эти книжки, газеты, романы, перья, корректуры, даже теленок, не желающий делать того, чего желает Иван Ермолаевич, — все мы беспорядочной, безобразной массой, со свистом и шумом летим в бездонную пропасть...» [Успенский, 1950, т. VII, с. 55].

Евангельский сюжет об исцелении бесноватых и бесах, вошедших в стадо свиней и низринувшихся в бездну (Мф. 8:28-34; Мк. 5:1-20; Лк. 8:26-37), здесь обогащен рядом литературных реминисценций: на стихотворение А. С. Пушкина «Бесы» («Бесконечны, безобразны, / В мутной месяца игре / Закружились бесы разны, / Будто листья в ноябре...») и одноименный роман Достоевского (ср. «Не имея под ногами никакой почвы, кроме книжного гуманизма»).

Образ пропасти метафорически указывает на степень отчуждения интеллигента от земли. Экзистенциальный ужас интеллигента перед русской деревней («Из деревенского дневника») сменяется в «Крестьянине...» еще более сильной эмоцией — отчаянием. Можно с уверенностью утверждать, что это чувство объединяло писателей-народников и отразилось в произведениях Н. Е. Каронина-Петропавловского (повесть «Борская колония»), Г. А. Мачтета (повесть «Блудный сын»), А. О. Новодворского (рассказ «Сувенир», роман «Эпизод из жизни ни павы, ни воронь»), П. В. Засодимского (роман «Хроника села Смурина: (Из жизни рус. крестьянина)») и постоянного оппонента Успенского — Н. Н. Златовратского. В финале центрального произведения Златовратского — романа «Устои» — умира-

ющая народница недоумевает: «Куда же стремится этот стихийный океан? Какой смысл для меня в “устоях”, если им не нужна любовь, мысль, самопожертвование, если они *всем* (курсив автора произведения. — Т. Д.) не дают смысла жизни, полной и цельной, если любовь, мысль и самопожертвование не могут жить с ними как единое, цельное, неразделимое?» [Златовратский, 1951, с. 517].

В свою очередь Успенский, разбираясь в причинах, не допускающих «единый, цельный, неразделимый» союз, видит ущербность как в крестьянстве, так и в интеллигенции. Цельность крестьянского типа, в терминологии Златовратского обозначаемая словом *устои*, оказывается настолько хрупкой, что достаточно лишь «прикосновения» цивилизации, «одно только легкое касание — и тысячелетние идеальные постройки превращаются в щепки» [Успенский, 1950, т. VII, с. 59]. О гибели прекрасного мужицкого типа Успенский рассказал в последнем десятом очерке цикла — «Результаты и заключение».

Русской интеллигенции — представителям «образованного немужицкого человечества» [Там же, с. 89] — адресован IX очерк «Узы неправды». Успенский характеризует духовное состояние интеллигенции евангельской формулой: «Сердца исполнены горькой желчи и в узах неправды». Писатель цитирует восьмую главу из «Деяний святых апостолов», в которой рассказывается о том, как маг Симон, выдававший себя за Мессию, хотел купить у апостола Петра дар — наложением рук низводить Святого Духа. Апостол Петр ответил лжехристу, пожелавшему творить чудеса: «Итак, покайся в сем грехе твоём, и молись Богу: может быть, отпустится тебе помысел сердца твоего; ибо вижу тебя исполненного горькой желчи и в узах неправды» (8: 22-23).

По мнению Успенского, интеллигенция, подобно самозванцу Симону, отмечена «антихристовой печатью». Поэтому самоосуждение интеллигента оказывается не актом покаяния, а демонстрацией безмерной гордыни, которая в трактовке писателя предстает родовой чертой русской интеллигенции. Мнимое покаяние интеллигента-народолубца Успенский разоблачает на примере собственного литературного высказывания: «Проклинает он (представитель привилегированного сословия. — Т. Д.) себя точь-в-точь так, как я проклинал себя в предыдущей главе под названием “Не суйся!” Там я проклинал себя (конечно, только для образчика), по-видимому, беспощадно. Не смешал ли я там себя с грязью? Смешал и уничтожил; но это только по-видимому <...> А как я хвалю мужика? О, тут я (а со мной и все вышеупомянутые не мужики) дохожу почти до восторженного состояния; я преподношу Ивану Ермолаевичу такие дары, что у него не хватит духу и пикнуть мне насчет земельки... Во-первых, я валю к его ногам всю ци-

визацию всех веков и народов и изображаю ее так, что иначе, как «паршивою», наименовать ее невозможно; в прошлой главе для образчика я привел некоторые приемы, употребляемые при проклятиях цивилизации. Душа поющего хваления мужику, будучи поражена антихристовой печатью, не может и в этом случае поступать вполне совестливо и просто. В приведенном образчике под цивилизацией поименованы кабаки, извозчики, пьянство, наклонности к разрушению семейных порядков, показано, что «от цивилизации» Алексей бьет жену, и т. д. Словом, взято множество свинств и все они наименованы цивилизацией, которая поэтому сама собой уже оказывается свинством. В проклятиях цивилизации, умышленно представляемой в виде свинства только, я с успехом могу выдвигать на сцену и скрежетать зубами и при словах “пиджак”, “кадриль”, “петровская папироска”... Всё у меня сойдет с рук, как у деревенского кулака сходит с рук тухлая рыба, гнилая мука, линючий ситец. В этом роде я могу греметь годы, и в то же время, во имя антихристовой печати, опять-таки останусь, как рыба, нем насчет секрета. Ведь, говоря по совести, я знаю же, что цивилизация выдумала массу добра для человечества; ведь по сущей совести я знаю, что моя-то личная жизнь значительно облегчена, услаждена, благодаря этой настоящей цивилизации; но мне жаль открыть Ивану Ермолаевичу секрет, потому что, когда он «раскусит», так он меня непременно прибьет за то, что я ему всё врал» [Успенский, 1950, т. VII, с. 97—99]. Рассказчик-писатель признается в том, что его самобичевание перед мужиком было неискренним. Вслед за осознанием греха («я ему всё врал»), казалось бы, должно последовать раскаяние и попытка исправления. Однако это оказывается не так. Рассказчик-интеллигент признается в том, что ему «жаль открыть секрет», и эта фигура умолчания делает попытку преодоления греха безуспешной. Метанойи («изменения мысли»), достигаемой в процессе покаяния, не происходит.

Косвенным подтверждением этому является дальнейшее творчество Успенского. В словах из приведенного выше пассажа — «в проклятиях цивилизации, умышленно представляемой в виде свинства только, я с успехом могу выдвигать на сцену и скрежетать зубами и при словах “пиджак”, “кадриль”, “петровская папироска”» — предвосхищен сюжет очерка 1885 года «“Пинжак” и чорт», где «цивилизация» представлена в виде разрушающих крестьянский мир «пинжаков», «кадрилю» и всяческого «свинства».

5. Заключение

В цикле «Крестьянин и крестьянский труд» писатель занят поиском оснований, на которых может осуществиться заветная мечта интеллигент-народника — слияние с народом. Таким основанием, по мнению Успен-

ского, является эстетика труда. Красота обнаруживается в самом процессе земледельческого труда, представленном как сотворчество Бога, природы и крестьянина. По отношению к этому антропокосмическому единству интеллигент оказывается лишним, объявляется самозванцем и антихристом. В качестве доказательства «антихристовой» сущности интеллигента рассказчик предъявляет собственное лжераскаяние. Однако наряду с инвективами в адрес интеллигенции Успенский находит в ней способность к эстетическому восприятию и пониманию красоты. Поэтому интеллигент (как в случае с Кольцовым и, в конечном счете, с самим Успенским) оказывается необходимым посредником в процессе обретения крестьянством своего собственного «голоса». Иначе говоря, без эстетической интуиции интеллигента «тайна» крестьянства остается неразгаданной.

Источники

1. *Белинский В. Г.* Собрание сочинений : в 9 томах / В. Г. Белинский. — Москва : Художественная литература, 1982. — Т. 8. — 783 с.
2. *Булгаков С. Н.* Сочинения : в 2 томах / С. Н. Булгаков. — Москва : Наука, 1993. — Т. 1. — 603 с.
3. *Горький А. М.* Собрание сочинений : в 30 т. / А. М. Горький. — Москва : ГИХЛ, 1953. — Т. 25. — 520 с.
4. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений / Ф. М. Достоевский. — Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1981. — Т. 22. — 407 с.
5. *Златовратский Н. Н.* Деревенские будни / Н. Н. Златовратский. — Санкт-Петербург : тип. А. А. Краевского, 1882. — 254 с.
6. *Златовратский Н. Н.* Устои. История одной деревни / Н. Н. Златовратский. — Москва : ГИХЛ, 1951. — 542 с.
7. *Скабичевский А. М.* Беллетристы-народники : Ф. Решетников, А. Левитов, Гл. Успенский, Н. Златовратский и пр. / А. М. Скабичевский. — Санкт-Петербург : тип. В. С. Балашева, 1888. — 315 с.
8. *Успенский Г. И.* Полное собрание сочинений / Г. И. Успенский. — Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1940. — Т. V. — 484 с.
9. *Успенский Г. И.* Полное собрание сочинений / Г. И. Успенский. — Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1949. — Т. VIII. — 647 с.
10. *Успенский Г. И.* Полное собрание сочинений / Г. И. Успенский. — Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1950. — Т. VII. — 547 с.
11. *Успенский Г. И.* Полное собрание сочинений / Г. И. Успенский. — Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1951. — Т. XIII. — 704 с.
12. *Успенский Г. И.* Полное собрание сочинений / Г. И. Успенский. — Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1954. — Т. XIV. — 839 с.
13. *Энгельгардт А. Н.* Из деревни : 12 писем / А. Н. Энгельгардт. — Москва : Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. — 491 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айхенвальд Ю. А.* Силуэты русских писателей : в 2 томах / Ю. А. Айхенвальд. — Москва : Терра — Книжный клуб ; Республика, 1998. — Т. 1. — 304 с.

2. *Богаткина М. Б.* Г. И. Успенский : (проблемы изучения) / М. Б. Богаткина // Проблемы художественного мастерства : сборник статей. Днепропетровск : Издательство Днепропетровского университета, 1972. — С. 163—167.
3. *Дячук Т. В.* Мортальное пространство русской деревни в прозе писателей-народников (П. В. Засодимский, Г. И. Успенский, Н. Е. Каронин-Петропавловский) / Т. В. Дячук // Успехи гуманитарных наук. — 2020. — № 2. — С. 265—271.
4. *Кудряшов И. В.* Изображение кризиса национального духовного бытия в русской литературе второй половины XIX века (П. И. Мельников-Печерский, Н. С. Лесков, В. Г. Короленко, Г. И. Успенский) / И. В. Кудряшов. — Арзамас : АГПИ им. А. П. Гайдара, 2006. — 198 с.
5. *Лисин Л. Ф.* Г. И. Успенский : творческий путь / Л. Ф. Лисин. — Иркутск : б. и., 1961. — 331 с.
6. *Лосский В. Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви ; Догматическое богословие / В. Н. Лосский. — Москва : СЭИ, 1991. — 287 с.
7. *Мордовченко Н. И.* М. Е. Салтыков-Щедрин — редактор Г. И. Успенского / Н. И. Мордовченко // Глеб Успенский : материалы и исследования / отв. ред. И. И. Векслер. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР; Институт литературы, 1938. — Т. 1. — С. 207—219.
8. *Соколов Н. И.* Г. И. Успенский : жизнь и творчество / Н. И. Соколов. — Ленинград : Художественная литература. Ленингр. отделение, 1968. — 319 с.
9. *Токарев Д.* «Долго-долго смотрел на нее» : эротическое и идеологическое в визуальной метафорике рассказа Глеба Успенского «Выпрямила» / Д. Токарев // Новое литературное обозрение. — 2020. — № 5. — С. 63—82.
10. *Успенский П.* Гипотеза Якобсона, Глеб / Иванович и перверсия : безумие Г. Успенского и его рассказ «Выпрямила» / П. Успенский // Новое литературное обозрение. — 2020. — № 5 (165). — С. 44—62.
11. *Шеля А.* «Русская песня» в литературе 1800—1840-х гг. / А. Шеля. — Тарту : Изд-во Тартуского ун-та, 2018. — 216 с.

MATERIAL RESOURCES

- Belinsky, V. G. (1982). *Collected Works*: vol. 1—9. Moscow: Fiction. 8. 783 p. (In Russ.).
- Bulgakov, S. N. (1993). *Works*: vol. 1—2. Moscow: Nauka. 1. 603 p. (In Russ.).
- Dostoevsky, F. M. (1981). *Complete Works*. Leningrad: Science. Leningrad branch. 22. 407 p. (In Russ.).
- Engelhardt, A. N. (1937). *From the village: 12 letters*. Moscow: State. social and economic publishing house. 491 p. (In Russ.).
- Gorkiy, A. M. (1953). *Collected Works*: vol. 1—30. Moscow: State publishing house of fiction. 25. 520 p. (In Russ.).
- Skabichevsky, A. M. (1888). *Belletristic populists: F. Reshetnikov, A. Levitov, Ch. Uspenskiy, N. Zlatovratskiy and others*. St. Petersburg: type. V. S. Balasheva. 315 p. (In Russ.).
- Uspenskiy, G. I. (1940). *Full Collected Works*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House. V. 484 p. (In Russ.).
- Uspenskiy, G. I. (1949). *Full Collected Works*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House. VIII. 647 p. (In Russ.).
- Uspenskiy, G. I. (1950). *Full Collected Works*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House. VII. 547 p. (In Russ.).

- Uspenskiy, G. I. (1951). *Full Collected Works*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House. *XIII*. 704 p. (In Russ.).
- Uspenskiy, G. I. (1954). *Full Collected Works*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House. *XIV*. 839 p. (In Russ.).
- Zlatovratskiy, N. N. (1882). *Rustic everyday life*. St. Peterburg: tip. A. A. Krayevskogo. 254 p. (In Russ.).
- Zlatovratskiy, N. N. (1951). *Foundations. The story of a village*. Moscow: State publishing house of fiction. 542 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Aykhenwald, Yu. A. (1998). *Silhouettes of Russian writers: in 2 volumes*. Moscow: Terra — Book Club; Republic. *I*: 304 p. (In Russ.).
- Bogatkina, M. B. (1972). G. Uspensky: (problems of study). In: *Problems of artistic skill*. Dnepropetrovsk: Publishing House of Dnepropetrovsk University. Pp. 163—167. (In Russ.).
- Dyachuk, T.V. (2020). Mortal Space of Russian Village in Prose of Writers-Populists (P. V. Zadosimsky, G. I. Uspensky, N. E. Karonin-Petropavlovsky). *Modern humanities success*, 2: 265—271. (In Russ.).
- Kudryashov, I. V. (2006). *Image of the crisis of national spiritual life in Russian literature of the second half of the 19th century (P. I. Melnikov-Pechersky, N. S. Leskov, V. G. Korolenko, G. I. Uspensky)*. Arzamas: Arzamas State Pedagogical Institute named after A. P. Gaidar. 198 p.
- Lisin, L. F. (1961). *G. I. Uspensky: creative path*. Irkutsk. 331 p. (In Russ.).
- Lossky, V. N. (1991). *Essay on the mystical theology of the Eastern Church; Dogmatic theology*. Moscow: SEI. 287 p. (In Russ.).
- Mordovchenko, N. I. (1938). M. E. Saltykov-Shchedrin — editor G. I. Uspensky. In: Veksler, I. I. (ed.). *Gleb Uspensky: materials and research*. Moscow; Leningrad: Publishing House of USSR Academy of Sciences; Institute of Literature, 1938. *I*: 207—219. (In Russ.).
- Shelya, A. (2018). *“Russian Song” in the literature of the 1800—1840s*. Tartu: Publishing house of Tartu University. 216 p. (In Russ.).
- Sokolov, N. I. (1968). *G. I. Uspensky: life and work*. Leningrad : Fiction. Leningrad department. 319 p. (In Russ.).
- Tokarev, D. (2020). “I looked at her for a long, long time”: erotic and ideological in the visual metaphor of Gleb Uspensky’s story “Straightened”. *New literary review*, 5: 63—82. (In Russ.).
- Uspenskij, P. (2020). Jakobson’s hypothesis, Gleb / Ivanovich and Perversion: G. Uspensky’s Madness and his Short Story “Straightened”. *New literary review*, 5 (165): 44—62. (In Russ.).